

УДК 94(47) + 343.819.7

Умнягин В.В.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОЛОВЕЦКИХ УЗНИКОВ

Аннотация. Труд и интеллектуальная деятельность занимают важное место в воспоминаниях и эпистолярном наследии соловецких заключенных XX в. Обращение к этим сквозным темам раскрывает особенности поведения людей и той культурной традиции, которая позволяла им сохранять человеческое достоинство и целостность личности в тяжелых условиях заключения.

Ключевые слова: Соловки, Соловецкий лагерь особого назначения, мемуары, интеллектуальная деятельность, труд.

Практически с первых шагов советской власти подневольный труд начал рассматриваться в качестве способа «перековки» заключенных и меры карательного воздействия на них, хотя сам термин и окончательные контуры системы исполнения наказания СССР сформировались к началу 1930-х гг. в связи с учреждением Государственного управления исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) [24].

Рабский труд, сопровождаемый жестоким принуждением и тяжелейшими условиями содержания, призван был сломить волю и дух заключенных и часто становился прямой или косвенной причиной их гибели.

Интеллектуальная деятельность, за исключением редких случаев, когда она являлась трудовой повинностью и осуществлялась с ведома и по распоряжению лагерной администрации, была проявлением той свободы воли, мысли и духа, для подавления которой использовались места лишения свободы.

Труд и интеллектуальная деятельность, таким образом, противопоставлялись друг другу в той перевернутой системе ценностей, средой обитания и распространения которой выступала советская пенитенциарная система. Вместе с тем, они оставались и равноценным инструментом для внутренней работы, которая в тяжелейших условиях заключения позволяла личности выжить и остаться собой.

Сказанное находит подтверждение в личных материалах узников Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) ОГПУ (1923–1937) и сменившей его тюрьмы ГУГБ НКВД (1937–1939), оказавших значительное влияние на процесс формирования советской пенитенциарной системы.

Вне зависимости от возраста, происхождения и социального статуса оставивших воспоминания заключенных, независимо от того, выбивались ли они из сил на общих работах, несли относительно легкие административные послушания или пребывали в тюремном бездействии, – соприкосновение с лучшими образцами мировой литературы являлось мощной эмоциональной поддержкой и важным фактором выживания. На Соловках действовали две крупные библиотеки: монастырская, содержащая около 2000 книг и рукописей из местного книгохранилища и архива, и общелагерная, каталог которой к 1927 г. включал в себя 30 000 томов и несколько тысяч журналов по всем отраслям знаний.

«Жизнь течет по-прежнему. Работаю много. Устаю. В последнее время в мои руки попал томик Достоевского, Карамазовы. Это большая радость и утешение» [10. С. 128], – писал из заключения священник Анатолий Жураковский.

Д.А.Булыгин, молодой человек, попавший на Соловки по «делу фокстротистов» и работавший там бухгалтером в управлении лагерной железной дороги, вспоминал, как «воспользовавшись улучшением своих бытовых условий, тотчас же абонировался в библиотеке, и, как мне помнится, взял читать “Вечерние огни” Фета» [6. Л. 24].

Запрет на чтение книг, по мнению эсерки Е.Л.Олицкой, превращался в пытку сопоставимую с пребыванием в карцере. «Вот это был удар! Месяц без книг. Целый месяц» [21. С. 192], – сетовала она, вспоминая о групповом наказании, которому подверглись заключенные ее камеры из-за неосмотрительного обращения с изданиями тюремной библиотеки.

Исходя из собственного опыта и наблюдений за окружающими людьми, Л.С.Поллак приходил к выводу, что «если человека лишают книги, то его лишают части его души. Поэтому естественно, что когда хотят человека нашего времени как-то особенно заковать, уничтожить, лишить его “я”, то его лишают и книги. Вот так и жили мы в Соловецкой тюрьме, и – я уж не помню, сколько времени нам не давали ни книг, ни газет» [23. С. 28].

Подобные переживания, подчеркивающие особенную значимость печатного слова в условиях заключения, испытывал профессор ихтиологии В.В.Чернавин, по мнению которого, «книга в

тюрьме – это совсем не то, что книга на воле. Это, может быть, единственный настоящий момент отдыха, и то, что было много раз прочитано, приобретает совершенно новый смысл и силу. Кроме того, книг так мало, получить их так трудно, что одно это придает им особую ценность и значение» [34. С. 172].

Ценностный потенциал литературы был настолько велик, что даже не сами книги, а перспектива, причем весьма отдаленная и призрачная, – сама возможность чтения придавала смысл жизни и помогала преодолеть муки лишения свободы.

«Мало кто из заключенных мог пользоваться библиотекой, – писал Б.Л.Солоневич, – было не до чтения, когда над каждым постоянно висела угроза голода, перебросок и гибели. Но тысячи интеллигентных людей, запертых на острове в качестве злостных врагов советской власти, все-таки тянулись к книге, чтобы хоть немного забыть о настоящем...» [30. С. 507].

Чтение не только отвлекало от происходящего, оно восстанавливало интеллектуальные способности и человеческое достоинство заключенных, а также веру в собственную невиновность, что в условиях тотальной несправедливости было сродни возвращению здравого смысла и внутренней целостности, и, тем самым, – служило стимулом для продолжения жизни.

«Книги, – писала О.Л.Адамова-Слиозберг, беспартийная сотрудница одного из советских наркоматов, арестованная вслед за мужем и лишенная на долгие годы возможности общения со своими малолетними детьми, – были единственным отвлечением, единственным счастьем, воздухом, хлебом и водой для мозга, задыхающегося, погибающего без пищи. Читая, я вновь чувствовала себя человеком. Ведь нам так долго и упорно вколачивали в головы, что мы не люди, а отбросы, вколачивали не только тюремщики, которых мы презирали, но и газеты, которым мы не отучились верить, люди, руководившие партией, страной, и мы сами начинали чувствовать себя в чем-то виноватыми. А тут Толстой, Достоевский говорят со мной, и я чувствую себя равной им в своей человеческой сущности» [1. С. 58].

«Две отдушины было в этом годичном темном царстве, – сообщал студент казанского педагогического института Н.С.Барциковский о своем пребывании в следственной тюрьме, – интересные люди и книги. Если б не эти отдушины, человек задохнулся бы в мрачном сыром подвале, он стал бы трупом на этом кладбище живых» [4. С. 50].

Помимо чтения перед соловецкими заключенными была открыта возможность собственного литературного творчества в лагерных изданиях, о чем упоминают многие мемуаристы, в том числе Н.П.Анциферов.

«СЛОН – своего рода государство в государстве, – писал он в главе, повествующей о соответствующем периоде его жизни. – У него были свои денежные знаки, на которые мы должны были обменивать деньги. Свой герб (неофициальный) – белый слон на красном фоне, и свой

гимн, сочиненный заключенными <...>. Был и свой орган, журнал “Соловецкие острова” с силуэтом чайки на фоне белой обложки. Журнал был беспартийный. В нем заключенные отражали тоску по воле, по дому, по близким. Писали элегии и романтические легенды на темы средних веков, сказки...» [3. С. 341–342].

Упомянув известного экскурсиониста, нельзя обойти вниманием работу Соловецкого общества краеведения и входящего в его состав музея, сотрудники которого вели самоотверженную работу по сохранению находившихся в нем духовных и материальных ценностей (Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения (СОАОК), организовано в марте 1925 г., в 1926 г. реорганизовано в Соловецкое общество краеведения (СОК), упраздненное вместе с входящим в его состав музеем в 1937 г., когда Соловецкий лагерь был реорганизован в тюрьму).

Статс-фрейлина императрицы, участница Первой мировой войны и католический богослов Ю.Н.Данзас вспоминала о том, как была помещена в штрафную командировку на остров Анзер – в весьма неблагоприятные и опасные для ее слабого здоровья условия – за то, что «старалась уберечь от осквернения “экспонаты музея” и отказывалась давать антирелигиозные объяснения группам заключенных, которых с этой целью приводили в “музей”» [8. С. 131].

Другим отдохновением, которое, наряду с уже перечисленными видами интеллектуальной деятельности, уводило заключенных от тягот окружающей действительности, было еще одно «удовольствие для души: соловецкий театр» [2. С. 63].

Нельзя сказать, что все без исключения авторы испытывали восторг по поводу его существования. Например, А.Клингер, настроенный вполне критично в отношении этого явления лагерной жизни, вспоминал «с какой душевной горечью сказал мне как-то один из моих товарищей по “рабочей роте”, видный русский профессор: – Бывать в “Культпросвете”? Но зачем? Чтобы еще глубже понять весь безысходный ужас своего положения? Чтобы это издевательство над театром, над искусством лишний раз напомнило, что ты – бессловесный скот? Будь все они прокляты!...» [15. С. 86].

Однако подавляющее большинство мемуаристов подтверждали, что «для заключенных театр был источником радости, его любили, им восхищались» [35. С. 96].

Некоторые шли дальше и сценическую деятельность буквально обоготворяли. «Хорошо, что театр есть, – констатировал театральный деятель В.Я.Дворжецкий. – И хорошо еще, что не хуже, что не на общих, тяжелых работах, что можно заниматься любимым делом, искусством помогать людям остаться людьми, сохранить или обрести достоинство, не отупеть окончательно, не превратиться в скотину! Ну, это ли не счастье! Это святая миссия! Не надо изменять делу, к которому призван СУДЬБОЙ!» [9. С. 98].

Еще более глубокие религиозные параллели проводил писатель Б.Н. Ширяев, считавший, что «работа в области культуры ничтожной кучки русских интеллигентов на Соловках была действием духа. Она была бескорыстна, стимулировалась только волей творивших ее, она была тяжелой, порой подвижнической» [36. С. 162].

Причина любви к сцене, по мнению того же автора, была проста и объяснялась тем, что «театр на каторге – экзамен на право считать себя человеком. Восстановление в этом отнятом праве» [36. С. 79].

Вполне осознавая, что действующие в лагере культурные учреждения были созданы, в первую очередь, «для прикрытия кошмарных условий пребывания на Соловках», Д.С.Лихачев отмечал, что «они не только спасли жизнь многим интеллигентным людям, но позволили не прекращать до известной степени жить умственной жизнью» [17. С. 164].

В редакционных помещениях, на театральных подмостках, в читальном зале библиотеки шла борьба и с всепоглощающим бытом, низводящим человека до уровня животного существования.

В тюрьме, по словам Л.С. Полака, интересны были вопросы, «что будет за еда сегодня и как с opravкой», а также «не освободят ли, не переведут ли в лагерь» [23. С. 30].

В лагере, как писал об этом деятель Коминтерна И.Бергер, «заключенные, обычно, говорили о еде, о своих семьях, о надежде получить письмо или посылку из дому» [5. С. 77]. Или «о том, кто где сегодня работал и сколько процентов выработал... т.к. с этим связано количество выдаваемого хлеба и качество пищи» [33. С. 145], что следует из письма отца Павла Флоренского.

И, всё же, не только о своей беде или хлебной пайке думали на нарах лагерных бараков. «Музыка, искусство, творчество – это вечно и реально. А это, – Стрешнев обвел взглядом барак, – это пройдет. Соловки, лес..., современное сумасшествие...» [2. С. 70], – пророчествовал один из героев повести Г.Андреева, передавая уверенность и общее настроение, присущие многим интеллигентным узникам.

К утешениям «умственной жизнью» относились и любые виды научно-исследовательской деятельности, которая выводила из застоя лагерной жизни.

Авиационный конструктор П.А.Ивенсен говорил о себе, что «как любой поэт не может не писать стихи, так и я не мог не конструировать, поэтому для меня это кратковременное “творческое окно” было необычайно ценным» [13].

Сравнивая труд изобретателя с озарением поэта, бывший заключенный задавал очень верный тон в возможной оценке труда, который в идеале, как любая созидательная деятельность,

ведущая к актуализации заложенных в человеке способностей, должна приносить не только средства к существованию, но дарить радость и ощущение полноты бытия.

Однако, несмотря на основополагающее место труда в работах идеологов марксизма и слова Сталина о том, что «труд в СССР – дело чести, славы, доблести и геройства», в XX в. это понятие было значительно скомпрометировано.

По свидетельству морского офицера Б.Л.Седерхольма, вернувшегося на родину в Финляндию после сравнительно непродолжительного пребывания в лагере в середине 1920-х гг., в одном из соборов упраздненного Соловецкого монастыря «бросалась в глаза другая, не менее поучительная надпись: “Труд укрепляет душу и тело человека”. Прямо над алтарем, там, где раньше был написан образ Христа, теперь красовалось изображение Ленина, под которым было выведено славянскими буквами: “Мы новый путь земле укажем. Владыкой миру будет труд”» [27. С. 680].

«Над главными воротами кремля, из которых выводили на работу, лозунг гласил: “Через труд – к освобождению!” – писал спустя 10 лет Ю.И.Чирков, будущий профессор метеорологии, а в то время 16-летний юноша, взятый в лагерь буквально со школьной скамьи. – Этот лозунг был самым распространенным, и я потом его встречал в самых разных типах трудовых лагерей, даже в Освенциме, где он тоже висел над воротами и звучал по-немецки: “Arbeit macht frei!”» [35. С. 22].

«Что еще помнится хорошо – это речи, – писал В.Я.Дворжецкий, рефлексировав по поводу эксплуатации труда и пропаганды, проводимой лагерным начальством среди лишенных свободы людей. – Перед строем каждого отправляемого этапа выступал начальник. Кто он? Какой начальник? Неизвестно. Выступал громко, внушительно и всегда одинаково: “Заключенные! Вы прибыли сюда на разные сроки для того, чтобы честным трудом искупить свою вину перед Родиной! Только трудом вы можете добиться сокращения своего срока заключения. В нашей великой стране труд является делом доблести и славы! Труд поможет вам скорее выйти на волю и стать равноправными гражданами Советской России!”» [9. С. 27].

Теряя свой религиозный смысл, заповеданный Адаму труд по возделыванию Едемского сада (Быт 2. 15), вместо того, чтобы способствовать развитию человека и, в конечном счете, делу его уподобления Творцу, трансформировался в свою противоположность и, следовательно, вел к деградации и закреплению личности.

Неудивительно, что отношение к труду приобретало все более и более негативный характер по мере того, как из способа созидания внешних форм и преобразования внутреннего мира он превращался в средство истребления – так его оценивали все без исключения соловчане.

В своей автобиографической повести Б.Л.Солоневич передал рассказ одного из своих соратников по скаутскому движению о строительстве дорожного тракта силами соловецких заключенных:

«если бы кормежка, да платье, да сапоги – то еще как-нибудь можно было бы работать. Но из тюрем все истощенные прибыли, многие в лаптях, да в рванье. Паек – только, только, чтоб не умереть. Кругом вода, болото... От комаров все опухли... А пока нормы не выполнишь – торчи на работе, хоть умри. Да еще хлеба не дадут... Ну, вот и торчит парень часов 16. А на следующий день – пожалуйста – опять такая же норма... Откуда же сил взять?.. Ну и валятся, как мухи... Ведь все без сил, истощенные, больные... Цинготных – уйма... Да, так вот продвигается партия вперед, а сзади ослабевшие и больные так вповалку на земле и остаются. Может, их подбирали потом, но я не видел... Что-то не верится... А к нам все новые и новые пополнения идут: одни, значит, в могилу, а другие на смену» [29. С. 369].

По убеждению поляка М.Леонардовича, в сознании которого Соловки были «проклятым островом», «проклятой землей», лагерные начальники «умышленно планировали работы, чтобы довести нас до болезни и физического унижения» [16. С. 606].

И хотя героиня романа А.П.Скрипниковой демонстрировала уважительное отношение к труду категорическим отказом «делать все быстро и плохо» [28. С. 281], необходимо понимать, что подобный – и, тем более, демонстративный – отказ был возможен, да и то, с массой оговорок, лишь там, где трудились остатки соловецкой братии или женщины, либо на вспомогательных работах, благодаря которым выжило подавляющее большинство авторов воспоминаний о Соловках.

«Из многих тысяч, вернее десятков тысяч заключенных, отбывающих принудительные работы, надлежит признать при беспристрастной оценке труда, что самыми точными, аккуратными и добросовестными проявляют себе престарелые иноки, которые выполняют всегда с аккуратностью все, что поручает каждому из них УСЛОН, – писал генерал И.М.Зайцев, оценивая деятельность оставленных на архипелаге монахов. – В их работе явно отражается любовь и интерес к делу; как будто, они выполняют каждую работу для себя лично... они определяют свой труд по своему, по-монашески: иноки говорят, что они работают не на ГПУ, а по-прежнему состоят в “послушании” у Святой Обители» [11. С. 263].

По свидетельству О.Л.Адамовой-Слиозберг, которое относится к колымскому этапу ее жизни, но приложимо и к другим местам и периодам истории ГУЛАГа, «тяжелый крестьянский труд на природе, вдали от конвоиров, вдали от чужих, злых людей, оставил единственно светлые воспоминания во мраке лагерной жизни... так было у женщин, – писала она и добавляла, что – у мужчин же за один-два золотопромывочных сезона самый здоровый мужчина превращался в инвалида. Мужчины, естественно, не могли любить труд, который их убивал» [1. С. 103–104].

В результате, за исключением тех, кто благодаря деньгам или блату был поставлен «обслуживать кухню, каптерку, ларек, бараки, медоколодок, комендатуру, охрану, стирать белье, топить баню, хлопать на счетах в производственных и хозяйственных частях, составлять ведомости, отчеты, быть на побегушках у начальства», подавляющее большинство заключенных, преимущественно

«шпана и крестьяне, да те из интеллигентов, кто еще не обучился выживать на “воле”, ни тем паче в лагере, за что-нибудь был наказан начальством отправкой в лес или на кого ИСЧ и учетно-распределительная части имели предписание содержать только на тяжелых физических работах, если они стремились выжить – а кто не стремился? – и хотя бы полуинвалидами покинуть лагерь, оставался единственно доступный выход – туфтить» [26. С. 147].

Вывод, принадлежащий М.М.Розанову, автору фундаментального исследования, обобщившего свидетельства полутора десятков соловецких заключенных, имеет массу подтверждений и является общим местом в произведениях других мемуаристов, отмечавших, что «не получая за свою работу ни копейки, но и более-менее человеческого отношения, каждый заключенный стремится работать возможно меньше и хуже» [15. С. 72].

Случаи противоположного поведения, особенно среди уголовников, обычно были связаны с исключительными обстоятельствами. «Мои рабочие – все, как один, воры-рецидивисты – против ожидания работали дружно и... даже не подумали меня надувать, – рассказывал осужденный за организацию крестьянского восстания агроном М.З. Никонов-Сморозин, указывая далее на то, что, – ларчик шпанского послушания, впрочем, открывался весьма просто: они сидели недавно “на жердочке” и теперь, вырвавшись оттуда, были рады работе на свободе» [20. С. 151].

Собственный трудовой энтузиазм, который на самом деле не был редкостью у осужденных за «контрреволюционную» деятельность, объяснялся многими факторами.

Тем, например, что, по словам отца Павла Флоренского, «работа есть единственное средство сохранять душевное равновесие и ясность» [33. С. 527]. Или тем, что «в нравственном отношении работа – отдых и успокоение» [10. С. 167], что отмечал в своих письмах священник Анатолий Жураковский.

«За работой время летело быстрее» [25. С. 125], «некогда скучать, время летит быстро» [14. С. 27], – писали, буквально вторя друг другу, цитируемый выше М.М.Розанов и прославленный в лике святых архиепископ Иувеналий (Масловский).

«Работа бодрит и увлекает всегда, – иногда сам встряхнешь головой, спросишь товарищей и себя самого: “...в чем дело, что нас заставляют так “втыкать”? (на блатном языке – работать)”, – и ответа нет, какая-то внутренняя зарядка, внутренние импульсы, неизвестно в какой мере определяемые внешней обстановкой, толкают меня в такой работе. На воле так из нас никто не работал» [18. С. 30], – сообщал родным студент Г.Д.Марченко, анализируя тончайшие психологические оттенки своего трудового порыва.

Несмотря на отчуждение от плодов собственной деятельности, заключенным было больно наблюдать, «когда труд, в который они вложили все, что осталось у нас человеческого,

оказывался издевательским, бессмысленным трудом для наказания» [1. С. 102–103], – сетовала О.Л.Адамова-Слиозберг.

«И все-таки труд нас спасал» [Там же], – писала она же, вспоминая тех политических заключенных, которые по каким-либо причинам отказывались от него. «Почти все уклонявшиеся от работы погибли. Те, кто шел на проституцию, потеряли внутренний стержень, упорство, собранность, гордость. При первой же неудаче, попадая на общие работы, они погибали под их тяжестью. Те, кто не работал, ссылаясь на отсутствие сил и болезни, погибали от голода, а также от духовного расстройств, вызванного отсутствием могучего отвлечения – труда, требовавшего напряжения всех физических и духовных сил. Бывали случаи, что погибали и те, кто работал, но гораздо реже» [1. С. 103–104].

О том же, указывая на прямую взаимосвязь осознанной физической деятельности и морального состояния человека, писал и А.Д.Булыгин, который, находясь на тяжелых физических работах, «взял себе за правило работать, что называется, “на совесть”. А почему? Конечно же не для того, чтобы приносить пользу хозяйству концлагеря. Тут я думал о себе. Я давно заметил, что всякое ослабление волевого усилия ведет к отрицательным результатам: развивает лень, себялюбие, ведет к ослаблению моральных устоев. Живых примеров в окружавшей меня обстановке тюрем и концлагеря, подтверждавших правильность такого вывода, существовало сколько угодно и, поэтому я старался не распускаться, в каких бы условиях я не находился» [6. С. Л. 27–28].

Самоотверженный труд мог быть обусловлен боязнью потери хорошего места («...сносные условия заставляли держаться за эту работу, работали все честно, с полной отдачей» [37. С. 9]), стремлением помочь знакомым («Наверное со дня своего основания наше учреждение не работало так интенсивно, как сейчас. Работников не узнать: с таким рвением они никогда не листали пухлых папок. Самый малый конторщик заражен общим энтузиазмом; контора пришла в движение. Все тридцать человек заняты спасением сотоварища. За два дня перелистано столько бумаг, подсчитано столько цифр, сделано столько работы, сколько ее, не делалось и за полгода» [2. С. 83]) и незнакомым товарищам по несчастью («Я лес пилил даже будучи десятником. Иногда посмотришь на кого-либо из слабых, особенно интеллигентов, подойдешь и сам берешься за лучок (пилили лучковыми пилами) да и свалишь с корня два-три дерева вместо него. Мужик и отдохнет за это время» [12. С. 42]), патриотизмом («Начиная с тридцатых годов, советская власть также пользовалась трудом десятков миллионов людей, работавших в неподдающихся описанию условиях, за ничтожное вознаграждение или вообще без него. Заключенные делали невозможное. Но почему подчинились они воле державших их в заключении? Почему они не пошли на подрыв, вредительство, саботаж? Как ни странно, они были убеждены, что все это пойдет на пользу России. Их глубочайший патриотизм был даже сильнее ненависти к коммунистической системе» [5. С. 32–33]) или просто неспособностью человека делать некачественную работу («Я поклялась больше не вкладывать в труд души и обманывать лагерь, где смогу. Мне это не удалось, я не смогла переделать свою природу и работать “по-блатному”»

[1. С. 103]; «Я не мог ничего делать нетворчески – такой дефект заложен в моих генах» [23. С. 116]), что вместе и по отдельности бессовестно эксплуатировалось руководством исправительно-трудовых лагерей и страны.

Возникает вопрос: насколько эффективно использовался колоссальный потенциал соловецких заключенных, среди которых было немало выдающихся, уникальных в своем роде специалистов?

Вспоминая своего товарища по Соловецкой тюрьме – европейски образованного инженера-железнодорожника Г.М.Мамулашвили, бывший ответственный работник НКВД Грузии С.О.Газарян писал, что того «занимала мысль о рационализации резки концов рессор при их изготовлении. Когда у него в голове созрела идея, он сделал в тетради кое-какие расчеты и попросил дать ему бумаги, чтобы написать в народный комиссариат путей сообщения заявление о своем изобретении. Ему сказали: – Не ваше дело заниматься изобретательством. Вы вредитель, а не изобретатель» [7].

Один из пионеров ядерной геофизики и основатель советской плазмохимии Л.С.Полак рассказывал, как научные журналы под самыми разными предлогами отказывались печатать его научную статью. Помог случай. В ссылку приехал член редколлегии одного из журналов, с которым заключенный нашел общий язык, и публикация увидела свет.

Вопреки государственной политике сработал механизм случайностей: «хороший человек попался, или у него двоюродный брат сидел, или его ребенка не взяли в институт, и т.п., и т.п. – он тебе что-то сделает. А иногда срабатывает еще и какой-то подсознательный механизм вины, человек начинает думать – вроде бы он действительно ни за что сидит. Не могу ли я ему помочь и хоть этим искупить то, что столько ни в чем невинных людей сидят» [23. С. 116–117].

О трудностях реализации производственных и научно-исследовательских задач в условиях заключения сообщал отец Павел Флоренский.

«Чтобы сделать шаг вперед, каждый раз приходится проходить все шаги, пройденные техникой, – писал священник семье, – необходимых условий для проработки, литературных и лабораторных, здесь, конечно, нет <...> полезных результатов получается неизмеримо меньше, чем могло бы быть при нормальных условиях» [33. С. 411, 160].

Несмотря на жесточайшую эксплуатацию заключенных, среди которых было немало одаренных и работоспособных людей, о чем свидетельствует социальная и творческая активность вырвавшихся за границу каторжан, «соловецкие лагеря никогда не были прибыльными – ни в 1929-м, ни в другие годы, – приходит к выводу современный исследователь. – С июня 1928 по июль 1929 г. СЛОН имел дефицит по смете в 1,6 миллиона рублей, который пришлось покрыть из государственной казны. Хотя и могло возникнуть впечатление, что СЛОН действует более

успешно, чем другие местные предприятия, всякому, кто разбирался в экономике, было понятно, что причина этого – неравные условия» [38. С. 83].

Следствием проводимой политики, нацеленной не только на достижение экономических целей, но и на истребление представителей неугодных сословий, стали гибель и крайне нерациональное использование труда миллионов советских людей.

Соловки были не только одним из флагманов ГУЛАГа, по образу которого создавались заповолонившие страну лагеря, но также местом концентрации и уничтожения репрессированной интеллигенции [22].

Специалисты из самых разных областей естественных и гуманитарных знаний, литературные и театральные деятели, философы и богословы, среди которых было немало людей с мировым именем, так и не сделали того, что могли и хотели сделать для своей Родины и всего человечества, в служении которым они видели смысл своей жизни.

«Дело моей жизни разрушено, и я никогда не смогу и, кроме того, не захочу возобновлять труд всех 50 лет, – писал отец Павел Флоренский. – Не захочу, потому что я работал не для себя и не для своих выгод, и если человечество, ради которого я не знал личной жизни сочло возможным начисто уничтожить то, что было сделано для него и ждало только последних завершительных обработок, то тем хуже для человечества, пусть-ка попробуют сделать сами то, что разрушили... Конечно, по частям и исподволь сделанное мною будет сделано и другими, но на это требуется время, силы, деньги и – случай <...> Я мог бы дать гораздо больше, чем дал, мои силы и по сей день не исчерпаны, но человечество и общество не таковы, чтобы сумело взять от меня самое ценное» [33. С. 404, 633].

Обращение к теме Соловецкого лагеря и сменившей его тюрьмы предполагает их неизбежное сравнение с устройством дореволюционной обители, в которой труд был формой духовного делания и приносил свои ощутимые материальные и нравственные плоды.

«Соловецкие монахи – особенные, – писал в этой связи Б.Н.Ширяев, отмечавший упомянутую особенность соловецкого благочестия. – Других таких по всей Руси не было: не в молитве, а в труде спасались <...> Телесное тружение – Господу служение, обители – слава и украшение, бесам же блудным – поношение, – поучали богомольцев чернецы и сами пример показывали» [36. С. 33–34].

В связи с трагическими событиями XX в. и их последствиями вспоминаются и слова В.И.Немировича-Данченко, записанные им после посещения Соловецкого монастыря в конце позапрошлого столетия. «До сих пор все рабочие общины оказывались прочными только тогда, когда в основу их положено религиозное начало...» [19. С. 347–348], которое в СССР вполне сознательно изымалось из политических и социальных процессов, но продолжало действовать в

людях, приобретая характер религиозного противостояния антирелигиозной системе мироустройства советского общества.

Подводя итог, можно отметить, что важной составляющей жизни заключенных соловецкого лагеря и тюрьмы была интеллектуальная деятельность, без которой, по всеобщему признанию соловчан, жизнь в неволе была практически невозможна.

Отношение заключенных к принудительному физическому труду было менее однозначным. С одной стороны, нечеловеческие условия, нехватка еды, отдыха, жестокость в обращении и завышенные нормы часто приводили к физическому истощению заключенных и становились причиной их гибели, а очевидная бессмысленность труда и жестокость принуждения к нему оказывали на личность каторжан сильнейший деморализующий эффект. С другой стороны, для некоторых заключенных труд, даже подневольный, становился своего рода духовной терапией, средством борьбы личности с обстоятельствами, способом закалки воли и характера.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Адамова-Слиозберг О.Л.* Путь. – М.: Возвращение, 1993. – 254 с.
- [2] *Андреев Г.* Соловецкие острова. 1927–1929 // Грани. – 1950. – № 8. – С. 42–90.
- [3] *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания. – М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. – 512 с.
- [4] *Барциковский Н.С.* За холодной стеной. – Бугульма, 1998. – 88 с.
- [5] *Бергер И.* Крушение поколения: Воспоминания. – Firenze: Auroga, 1973. – 329 с.
- [6] *Булыгин А.Д.* Соловецкая быль // Коллекция мемуаров и литературных произведений НИПЦ «Мемориал» (Москва). Лл. 65.
- [7] *Газарян С.О.* Это не должно повториться: Документальная повесть // Литературная Армения. – 1988. – № 6–9. – URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=28>
- [8] *Данзас Ю.Н.* Красная каторга // Символ. 1997. № 37. С. 105–147.
- [9] *Дворжецкий В.Я.* Пути больших этапов: Записки актера. – М.: Возвращение, 1994. – 118 с.
- [10] *Жураковский А., священник.* Священник Анатолий Жураковский: Материалы к житию / Сост., вступ. ст. П.Г. Проценко. – Paris: YMCA-PRESS, 1984. – 228 с.

- [11] *Зайцев И.М.* Соловки // Воспоминания соловецких узников. Т. 2. – Соловецкий монастырь, 2014. – С. 172–330.
- [12] *Зинковщук А.А.* Узники Соловецких лагерей. – Челябинск: Газета, 1993. – 47 с.
- [13] *Ивенсен П.А.* «...Я не мог не конструировать...» // СОФИЯ: Альманах: Вып. 2. Уфа: Издательство «Здравоохранение Башкортостана», 2007 // URL: <http://delo.teolog.ru/deloN10208>
- [14] *Иувеналий (Масловский), архиеп.* Письма из лагеря. – М.: Изд-во им. святителя Игнатия Ставропольского, 1995. – 79 с.
- [15] *Клингер А.* Соловецкая каторга. Записки сбежавшего // Воспоминания соловецких узников. Т. 1. – Соловецкий монастырь, 2013. – С. 48–120.
- [16] *Леонардович М.* На островах пыток и смерти // ВСУ. – Т. 1. С. 596–632.
- [17] *Лихачев Д.С.* Воспоминания. – СПб.: Логос, 2005. – 519 с.
- [18] *Марченко З.Д.* Семнадцать лет на островах ГУЛАГа. – М.: Возвращение, 1999. – 168 с.
- [19] *Немирович-Данченко В.И.* Соловки: воспоминания и рассказы. Изд. 4-е. – Киев: Издание книгопродавца-издателя Ф.А. Иогансона, 1892. – 348 с.
- [20] *Никонов-Сморodin М.З.* Красная каторга. – София: Изд-во Н.Т.С.Н.П., 1938. – 371 с.
- [21] *Олицкая Е.Л.* Мои воспоминания. – Frankfurt/M: Посев, 1971. – Кн. 2. – 270 с.
- [22] *Павлова Н.Н.* Репрессированная интеллигенция: соловецкий извод // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934. Сб. ст. / Под. ред. Д.Б. Павлова. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 404–484.
- [23] *Поллак Л.С.* Было так: Очерки. – М., 1996. – 154 с.
- [24] Приказ ОГПУ № 130/63 от 25 апреля 1930 г. «Об организации управления лагерями ОГПУ» // URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009167>
- [25] *Розанов М.М.* Завоевание белых пятен. – Сыктывкар, 2006. – 182 с.
- [26] *Розанов М.М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922 – 1939: Факты – Домыслы – «Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. Кн. 1. – 293 с.
- [27] *Седерхольм Б.Л.* В разбойном стане: Три года в стране концессий и «Чеки» (1923–1926) // ВСУ. – Т. 1. – С. 665–708.

- [28] *Скрипникова А.П.* Соловки // «В Белом море красный СЛОН...»: воспоминания узников Соловецкого лагеря особого назначения и лит. о нем / Сост. и автор вступ. статьи М.Е. Бабичева. – М.: Пашков дом, 2006. – 285 с.
- [29] *Солоневич Б.Л.* Молодежь и ГПУ // ВСУ. – Т. 2. – С. 356–426.
- [30] *Солоневич Б.Л.* Тайна Соловков // Там же. С. 427–591.
- [31] *Сошина А.А.* Материалы к истории лагеря и тюрьмы на Соловках (1923–1939 гг.) // Соловецкое море. – 2010. – № 9. – С. 122–134.
- [32] *Филарет (Дроздов), свт.* Толкование на книгу Бытия. – М.: Лепта-Пресс, 2004. – 791 с.
- [33] *Флоренский П.А., свящ.* Соч. в 4 т. Т 4: Письма с Дальнего Востока и Соловков. – М.: Мысль, 1998. – 795 с.
- [34] *Чернавин В.В.* Записки «вредителя». – СПб.: Канон, 1999. – 328 с.
- [35] *Чирков Ю.И.* А было всё так... – М.: Политиздат, 1991. – 382 с.
- [36] *Ширяев Б.Н.* Неугасимая лампада. – Соловецкий монастырь, 2012. – 559 с.
- [37] *Щегольков С.В.* Небольшое повествование о том, как советская власть и партия ВКП(б) сделали меня “государственным преступником-террористом”, который готовил покушение на жизнь товарища Сталина. – М., 1999. – 20 с.
- [38] *Эпплбаум Э.* ГУЛАГ: Паутина большого террора. – М.: Моск. школа полит. исследований, 2006. – 606 с.

© Умнягин В.В., 2015.

Материал поступил в редакцию 14.01.2015.

Умнягин Вячеслав Вячеславович, иерей,

ответственный редактор книжной серии «Воспоминания соловецких узников» (1923–1939),
Московское подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального
мужского монастыря,

e-mail: solovki-news@yandex.ru

UDC 94(47) + 343.819.7

*Umnyagin V.***INTELLECTUAL ACTIVITY AND ATTITUDE TO WORK
IN THE MEMORIES OF THE SOLOVKI PRISONERS**

Abstract. Labor and intellectual activities occupy an important place in the memories and epistolary heritage of Solovki prisoners of the twentieth century. Addressing to these cross-cutting themes reveals peculiarities of human behavior and the cultural traditions that allows people to maintain human dignity and personal integrity in the harsh conditions of detention.

Key words: Solovki, Solovki special purpose prison camp, memoirs, intellectual activity, work.

Umnyagin Vyacheslav Vyacheslavovich, Priest,

Executive Editor of the Book Series "Memories of Solovki prisoners" (1923-1939),
Moscow farmstead of the Spaso-Preobrazhensky Solovetsky Stauropegial monastery,
e-mail: solovki-news@yandex.ru